

Иркутский музыкальный театр имени Н. М. Загурского

СИЛА СУДЬБЫ СИБИРСКОЙ «АНТИГОНЫ»

Владимир Дудин
(Санкт-Петербург)

Две премьеры в Иркутском музыкальном театре – стендап в стиле джаз «Довлатов. Про любовь» Карпинской на малой сцене и рок-опера «Антигона» Соколова на основной показали полюса форматов, идей и жанров, на которых успешно работает его труппа. Для полноты картины не хватило только оперетты.

Прилететь из Петербурга в Иркутск и попасть в комнату главного героя Далматова в одном из отелей Лос-Анджелеса 1980-х в спектакле

«Довлатов. Про любовь» было по ощущениям обжигающе похожим на эффект присутствия, как если бы перелететь через океан не только

в пространстве, но и во времени вместе с автором «Заповедника» и «Чемодана» на много лет назад. Лёгкий туман джетлага в голове

«Довлатов. Про любовь». Сцена из спектакля. Далматов – Егор Кириленко, Тася – Анна Захаренкова.

В. Соколов – А. Пантыкин. «Антигона».
Сцена из спектакля.

«Антигона» в Иркутском музыкальном театре тоже перенесла во времени, точнее, в разлом времён, перебросив мост от античного мифа к началу 1990-х – периоду больших надежд на перемены. Это название появилось сегодня, прежде всего, как дань памяти эпохе «бури и натиска» в истории музыкально-театральной культуры города. Тридцать лет назад композитор Владимир Соколов, тогда музыкальный руководитель ТЮЗа и создатель Театра-студии «Пилигримы» сочинил рок-оперу «Антигона», от которой осталась слабая в техническом отношении видеозапись, по которой сегодня восстанавливали и основательно досочиняли утраченную партитуру. В момент же своего появления «Антигона» произвела эффект разорвавшейся бомбы. По воспоминаниям вдовы композитора Риммы Соколовой, «это одна из его первых основных работ, из первых, пожалуй, главная. Его композиции не умирили вместе со спектаклем. Спектакль, уходя со сцены, оставлял произведение. И некоторые, доработанные, переосмысленные, усиленные продолжали жить дальше, в других работах – в перерождениях».

Рождённый в 1952 году в Хабаровске Владимир Соколов, ушедший из жизни в 2018 году, получил образование в Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, однако в 1979 году принял решение приехать вслед за отцом в Иркутск, с которым и связал свою последующую творческую жизнь. «Вся эта Володина музыка, всё его питерство, консерваторство плюс смелость, плюс вос-

и конечностях, иллюзия дымка от папиросы, приглушённый свет гостиничного номера на сцене и звуки джаза поселяли в душе перелётного зрителя чувство подсаивающей эйфории в ситуации, когда наяву перелететь океан сегодня космически сложно. Главный герой предлагаемых обстоятельств Далматов в лице Егора Кирилленко вводил полный зал зрителей в курс своих жизненных передраг нарочито безыскусно и непритязательно, местами небрежно, игнорируя четвёртую стену и делая присутствующих безмолвными свидетелями. В этой роли актёр даже слишком старательно артикулировал текст, аккумулируя в нём сразу несколько задач: не сбиться и не забыть слова, быть хотя бы чуточку похожим на своего героя и не терять своего лица. Балансируя между робостью дебютанта и наносной вальяжностью, навешанной представлениями о персонаже, актёр как будто спешил приблизить финал спектакля, а очень хотелось темповых контрастов, фирменной ленинградской неспешности. Довлатов ведь, кажется, никогда и никуда не спешил, а успевал если не всюду, то ровно тогда и туда, когда и куда должен был попасть по сценарию своей судьбы. Психофизика актёра излучала волнение и взнервлённость, в то время как персонаж был в одинаковой степени далёк и от того, и от другого. И всё же чувствовалась в игре Кирилленко что-то очень здоровое, интуитивно правильное и точно схваченное. В его пластике и интонациях просматривался и «лишний человек», и «безыдейный диссидент», импровизирующий свою жизнь. Слишком колоритен был внешний облик Довлатова, чтобы во внешности актёра Кирилленко не выискивались его черты. И они, к вящему удивлению, обнаруживались и в форме головы, и в сутуловатости «разбитой

параличом гориллы», как охарактеризовала его однажды подруга Ася Пекуровская, первая «любовь поэта». В спектакле музой героя была Тася в исполнении Анны Захаренковой. В этой Тасе сошлось для писателя всё то, что делает женщину женщиной, что притягивает и отталкивает в ней – и ум, и глупость, и чары, и разочарование, и небо, и заземлённость, и правда, и обман, и красота, и пошлость, вещное и вечное, плотское и неуловимо призрачное. Природа актрисы позволяла ей без особого труда «доставать» разные дразнящие нотки сложного аромата своей героини в зависимости от меняющихся обстоятельств. В её речи и манерах нетрудно было разглядеть и расслышать и густой замес опереточности, и варьете, и французское, и нижегородское. В ней была та манкость, которая навсегда въелась в память Далматова. Джазовый ансамбль, сидевший в углу, одним только присутствием словно бы держал зрителей/слушателей на коротком поводке, обещая разразиться приливами музыкального счастья. Однако в этом спектакле, в его сценарии и драматургии, чувствовался некоторый дефицит, хотя те короткие встречи с «музыкальными паузами», безусловно, отыгрывали свою роль. Наивно думалось, что вдруг вот-вот запоют и главные герои, но вся музыка Далматова-Довлатова была в его речах. В этом заключалось в каком-то смысле и открытие спектакля, давшего понять, насколько всё же внутренне музыкальны, импровизационно-алеаторичны прозаические воспоминания знаменитого ленинградца, рождённого в Уфе, похороненного в Нью-Йорке.

В. Соколов – А. Пантыкин. «Антигона».
Сцена из спектакля.

В. Соколов – А. Пантыкин. «Антигона».
Сцена из спектакля. Имена – Кристина Рагиль.

питание в трёх поколениях музыкантов, личные качества и прочее дало очень сильный толчок молодым музыкантам, голодным до новизны и эксперимента. А что до публики, то с уверенностью могу сказать, что половина нынешних зрителей на премьере – это те, что были на премьере тогда. Я знаю многих, кто это помнит», – продолжает свои воспоминания вдова композитора. Владимир Соколов слыл в Иркутске фигурой культовой, создателем сначала рок-группы «Пилигримы» а затем и театра-студии «Театр пилигримов», который в 1996 году принимал участие в постановках «Иисус Христос – суперзвезда», «Юнона и Авось» в Иркутском музыкальном театре и многих других. В 2000-м Владимир Соколов получил золотую медаль Папы Римского Иоанна Павла II за создание оперы «Аве Мария».

«Антигона» вернулась в Иркутск в совершенно другое время – время агрессивного информационного шума, распада социальных связей, цифровой диктатуры и много чего ещё крайне негативного. Вернулась, конечно, неслучайно решать не только мемориальные задачи, и ей удалось прозвучать настолько эффектно, насколько позволила сила заложенного в ней заряда музыкально-театрально-философских идей. При том, что момент мемориальности, благодарного приношения потомков в спектакле оказался действительно сильным, эта рок-опера не только не выглядела атавизмом, но и предъявила нераскрытый мощный потенциал жанра, покрывшегося хронологической пылью.

В. Соколов – А. Пантыкин. «Антигона».
Сцена из спектакля. В центре: Антигона – Анастасия Солоха.

Композитор Александр Пантыкин, кому выпал жребий в меньшей степени восстанавливать авторскую партитуру, в большей создавать заново свою, основанную на интонационном словаре оригинальной «Антигоны» Соколова, не раз повторил на встречах с молодыми артистами, что «у нас получилась настоящая рок-опера». Зрителям, живущим в эпоху диктатуры мюзикла, совсем не просто будет отыскивать принципиальные отличия рок-оперы от мюзикла, хотя эксперты, пожалуй, не без удовольствия найдут здесь пару-тройку веских аргументов в пользу «оперы», как, например, главенство сквозной музыкальности структуры.

Иркутская «Антигона» с самого начала захватила жанровым перекрестьем и синтезом искусств. Команда постановщиков – режиссёр Анастасия Гриненко, художники Сергей Новиков, Василий Ковалёв (по свету), Илья Смилга (видеохудожник) и хореограф Дмитрий Якубович создали спектакль на уцелевшем фундаменте руинированной традиции. Зрелище получилось буквально грандиозным. Его парадокс заключался лишь в продолжительности, которая оказалась меньше полутора часов. Декорации, заполнившие всю немаленькую сцену Иркутского театра словно обозначили могучее пространство никуда не уходящего пространства мифа, в то время как хронометраж транслировал метафору мига. На кресте мгновения и вечности и развернулась история Антигоны, дочери Эдипа, отчаянно бросившейся бороться с судьбой.

Антигона, как и вся её многочисленная родня вышли в рокерских прикидах, прочно ассоциирующихся с символикой бунта, отрицания системы. Креонт, дядя Антигоны запел под шумный аккомпанемент, усиленный динамиками так, что вбивало в кресла, строки Мандельштама «Мне на плечи кидается вековкодав». Оба иркутских Креонта – Никита Мещеряков и Роман Лукьянчук – вызвали у публики прилив энтузиазма на поклонях, явив два невероятно полярных образа одного и того же персонажа, разные оттенки деформации личности в условиях искорёженной реальности. Счастье вернувшейся «Антигоны» в том, что её

В. Соколов – А. Пантыкин. «Антигона». Сцена из спектакля.

Антигоне и её сестре Исмене досталось пять музыки, разводящую их по разным лагерям – яростного сопротивления и уютного приспособления. Исмена Кристины Рагиль в парике Мэрилин Монро стала мощным зеркалом пути соблазнов и конформизмов мира. Эта рок-опера дана новому поколению артистов Иркутского музыкального на вырост, а потому нет сомнений, как стремительно будет меняться градус выразительности и содержательности спектакля от показа к показу. У Антигон-первопроходиц Анастасии Солохи и Дарьи Щур получились две абсолютно разных героини, раскрывшие грани их девичьей сути. Одна была готова броситься на амбразуру, другая не скрывала того, что ещё слишком мало пожила, мало любила. А какой энергоёмкий звук шёл от хора под управлением Натальи Ладыгиной и оркестра, ведомого дирижёром-постановщиком Виктором Олиным, пробивающим толщу времён, чтобы ценой знаний о прошлом спасти будущее.

Фотографии предоставлены пресс-службой Иркутского областного музыкального театра имени Н. М. Загурского, автор фотографий – Эозлла Кириленко.

актёры – новое молодое поколение, что остро чувствовалось в обоих премьерных составах. Им выпало счастье исполнять музыку и Владимира Соколова, и Александра Пантыкина, взявшего на себя смелость фактически дописать рок-оперу. Соколов оставил после себя мелодии невероятной силы, заключающейся в формульной

ёмкости запоминающихся на раз мотивов. В них слышались отражения эпического театра и кабаре, трагифарса и рока. Здесь о самых страшных злодеяниях пропевалось как о чём-то обыкновенном, к чему все давно привыкли и готовы на это закрывать глаза, становясь проклятым эдиповым племенем. Неслучайно

В. Соколов – А. Пантыкин. «Антигона». Сцена из спектакля.